

УДК 811.161.1.06
DOI 10.58649/1694-9099-2025-4-225-231

ОКУЛИЧ-КАЗАРИНА А.В.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
ОКУЛИЧ-КАЗАРИНА А.В.
КНУ имени Жусупа Баласагына
OKULICH-KAZARINA A.V.
KNU Jusup Balasagyn

А.И. КУПРИНДИН «ОЛЕСЯ» ПОВЕСТИНДЕГИ ТУУНДУ СӨЗДӨР СУБЪЕКТИВДҮҮ
МОДАЛДЫКТЫ ТУЮНТУУ БЫКМАСЫ КАТАРЫ

**ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «ОЛЕСЯ»**

DERIVED WORDS AS A WAY OF EXPRESSING SUBJECTIVE MODALITY
IN THE A. KUPRIN'S STORY «OLESYA»

Кыскача мүнөздөмө: Макалада көркөм тексттеги субъективдүү модалдуулукту туюндуруунун аз изилденген перифериялык жолдорунун бири катары туундулар каралат (А.И. Куприндин «Олеся» повестинин мисалында). Эң чоң туунду ишмердүүлүккө зат атоочтор жана этиштер ээ, алар экспрессивдүүлүктүн ар түрдүү түстөрүн жана аны менен байланышкан субъективдүү модалдуулукту чагылдырууга жөндөмдүү. Анализге алынган материал көркөм текстте көп баскычтуу структурадагыдай эле туунду сыяктуу перифериялык тилдик каражаттар модалдык-баалоочу маанилерди туюнтууда маңыздуу роль ойной алаарын көрсөтөт. Сөз жасоочу каражаттар жардамчы болгондуктан, айкалышып, бүтүндөй бир тексттин алкагында айтылуучу сөздүн жасалышында чоң роль ойнойт деген тыянак чыгарылат.

Аннотация: В статье рассматриваются дериваты как один из малоизученных периферийных способов выражения субъективной модальности в художественном тексте (на примере повести А.И. Куприна «Олеся»). Наибольшей деривационной активностью обладают существительные и глаголы, которые способны отражать самые различные оттенки экспрессивности и связанной с ней субъективной модальности. Проанализированный материал показывает, что в художественном тексте как в многоуровневой структуре такие периферийные языковые средства, как дериваты, способны играть важную роль в выражении модально-оценочных значений. Делается вывод о том, что, являясь вспомогательными, средства словообразования в комплексе играют значительную роль при оформлении высказывания в рамках целого текста.

Abstract: The article considers derivatives as one of the little-studied peripheral ways of expressing subjective modality in a literary text (using the example of A.I. Kuprin's novella «Olesya»). Nouns and verbs have the greatest derivational activity, which are able to reflect the most diverse shades of expressivity and the associated subjective modality. The analyzed material shows that in a literary text, as in a multilevel structure, such peripheral linguistic means as derivatives can play an important role in expressing modal evaluative meanings. It is concluded that, being auxiliary, the means of word formation in the complex play a significant role in the formulation of an utterance within the framework of the whole text.

Негизги сөздөр: көркөм текст; туунду; сөз түзүү; субъективдүү модалдуулук; туунду сөздөр.

Ключевые слова: художественный текст; дериват; словообразование; субъективная модальность; производные слова.

Keywords: literary text; derivative; word formation; subjective modality; derived words.

Модальность (и субъективная модальность в частности) как одна из ведущих категорий художественного текста имеет способы своего выражения, основными из которых являются вводно-модальные слова; все остальные средства – вспомогательные и находятся на периферии. Одним из таких периферийных, пока мало изученных средств является словообразование. Словообразование неразрывно связано с лингвистикой текста: производные слова непосредственно участвуют в организации речевых актов и выполняют в них те или иные стилистические, прагматические или же коммуникативно-семантические функции.

В рамках функционального подхода мы рассматриваем словообразовательный формант, который преобразует исходную единицу для определенного ее участия в построении смысловой структуры высказывания. Как морфема, так и производное слово являются маркерами, способствующими манифестации личности автора, его мировоззрения, эмоционального настроения.

Согласно Е.С. Кубряковой, основными функциями производного слова являются *номинативная*, когда дериват служит средством наименования новой реалии, явления или процесса; *компрессивная*, когда производные слова используются для сокращения уже имеющихся в языке единиц; *конструктивная*, когда «производное создается в целях изменения структуры речи»; *эмоционально-экспрессивная*, когда дериваты создаются для выражения оценок говорящего, передачи его эмоционального состояния, субъективного отношения к предмету речи. Последняя функция тесно связана с текстовой модальностью. [1]

Для анализа того, как проявляется модальность на уровне словообразования, нами было взято из повести «Олеся» около 1000 производных слов. Из этого числа глаголов оказалось 33%, существительных – 20%, прилагательных – 19%, наречий – 11%, причастий – 8%, деепричастий – 7%, других производных частей речи – 2%. Это подтверждает тезис о том, что «значимым фактором деривационной активности слова является его частеречная характеристика. Известно, что наибольшим словообразовательным потенциалом обладает глагол. <...> по словообразовательной активности части речи по убывающей выстраиваются следующим образом: глагол, существительное, прилагательное, наречие». [3]

Нами было выявлено 358 производных глаголов и деепричастий. Наиболее частотными способами словообразования для глаголов и деепричастий являются префиксальный (140 дериватов: *полюбопытствовать*, *вскинуть*, *зашамкать* и др.), суффиксальный (113 дериватов: *поддерживать*, *краснея*, *розоветь*, *плесневеть* и др.) и постфиксальный (83 деривата: *встретиться*, *оживиться*, *потеряться* и др.). Префиксально-суффиксальным способом образован 21 глагол (*подумывать*, *умолять*, *размышлять* и др.), префиксально-суффиксально-постфиксальным способом – 1 глагол *прислушиваться*. То есть большинство глаголов и деепричастий в тексте повести образовано по частотным словообразовательным моделям при помощи «чистых» способов словообразования. Значения производных слов при этом совершенно различные; наиболее часто встречающееся – обозначение дополнительных пространственных характеристик при совершении действия: движение внутрь или наружу, отделение и приближение и под., что связано с организацией пространственно-временного континуума произведения. Также достаточно часто встречаются глаголы, выражающие значение возвратного и взаимовозвратного залога, оформленного с помощью постфикса -ся.

Производные деепричастия обозначают дополнительное при основном сказуемом действие, состояние, что характеризует поступки героев как отражающие естественное состояние, естественную последовательность действий и придает поступкам героев неоднородность, разнонаправленность. Как правило, производные глаголы и деепричастия отражают объективную модальность, то есть соотнесение с реальностью/ ирреальностью действия и отнесение его к определенному временному плану.

Что касается способов выражения субъективной модальности, то здесь нужно отметить глаголы *пробурчать*, *проворчать*, *прошамкать*, *заклокотать*, *зачмокать*, *зашамкать*, которые характеризуют речь старухи Мануйлихи:

- Да уж простись, простись как следует, - недовольно **проворчала** старуха. – Чего же передо мной таиться-то?.. Давно знаю...

- Ну, ну, пойдём, что ли, пойдём, - **прошамкала** она, с трудом подымаясь с полу.

В ответ что-то **заклокотало** и **захрипело** в груди у старухи; потом из ее беззубого, шамкающего рта **вырвались** странные звуки, то похожие на задыхающееся карканье старой вороны, то вдруг переходившие в сильную обрывающуюся фистулу:

Выделенные производные глаголы отражают субъективное неприятие и отрицательную оценку рассказчиком старухи. С этой целью акцент делается на неприятных ощущениях, которые вызывает ее речь и манера поведения. Глаголы *проворчать*, *прошамкать*, *пробурчать* характеризуют краткую, неприятную, возможно, не совсем ясную речь человека, который чем-то недоволен. Глаголы *захрипело*, *заклокотать*, *зачмокать*, *зашамкать* характеризуют начало речи старухи, которая сопровождается неприятными звероподобными звуками.

Еще один яркий оценочный глагол – *облобызать* – встречен нами в следующем контексте: *К тому же мне претило это целование рук (а иные (крестьяне) так прямо падали в ноги и изо всех сил стремились облобызать мои сапоги)*. Данный глагол характеризует категорическое неприятие и осуждение действий крестьян.

В следующем контексте выделенные глаголы характеризуют внезапность появления ветра и его скорость, а также эмоциональную окраску – чувства дискомфорта, страха, вызванные ветром: *Порою бог весть откуда врывался этот страшный гость и в мою комнату, пробегал внезапным холодом у меня по спине и колебал пламя лампы <...>*. Таким образом, в них четко отражена субъективная модальность.

Из текста повести нами было отобрано 191 производное **имя существительное**, которое образовано от глаголов (94 производных: *визг*, *нажатие*, *бушевание*, *воркотня* и др.), существительных (53 деривата: *недоброжелательство*, *приволье*, *полесовицик*, *северянин* и др.), и прилагательных (38 производных: *важность*, *беспокойство*, *красота*, *бессилие*, *молодняк*, *кривуля*, *диванная* и др.). Также в качестве производящей базы могут выступать наречие (1 дериват – *множество*) и сочетание слов (5 дериватов, образованных сложносuffиксальным способом: *столетие*, *одностволка* и *простонародье* и при помощи сложения: *самоубийство*, *унтер-офицер* и *полверсты*). Как видим, существительные могут образовываться от разных основ, при этом от глаголов и прилагательных чаще всего образуются отвлеченные существительные, от существительных – конкретные.

В тексте повести обращает на себя внимание слово *кокетство*, образованное от существительного *кокетка*, которое обладает связанным корнем (ср. *кокетливый*, *кокетничать*). В приведенном далее контексте слово *кокетство* (стремление заинтересовать собой, понравиться своим поведением, нарядом) теряет оттенок неодобрения, присущий ему в языке, и приобретает положительную оценку: *В ее обращении со мной не осталось и следа прежней доверчивой и наивной ласки, прежнего оживления, в котором так мило смешивалось кокетство красивой девушки с резвой ребяческой шаловливостью*.

Обозначения действий *бег*, *визг*, *вой*, *наплыв*, *оборот*, *приход*, *стон*, *сход*, *треск* и другие получают различную модальную оценку в тексте повести. Например, во II части: *Ветер за стенами дома бесился, как старый озьябший голый дьявол. В его реве слышались стоны, визг и дикий смех. <...> Чудится мне затем, что ... забравшись в трубу, скулит так жалобно, скучно и непрерывно, то поднимая все выше, все тоньше свой голос, до жалобного визга, то опуская его вниз, до звериного рычанья*. Выделенные существительные имеют скорее отрицательную оценку, они подчеркивают длительность и постоянство действия, акцентируют внимание на чувствах рассказчика, вызванных бурей.

Приведем другой контекст: *... Милости просим садиться, - прибавила она, указывая мне на лавку в переднем углу и не обращая более внимания на воркотню старухи*. Слово *воркотня* мотивировано глаголом *ворковать*, одно из значений которого ‘нежно разговаривать’ приобрело в повести отрицательную субъективную модальность, связанную скорее с глаголом *ворчать*. Фонетическое сходство усиливает данную ассоциацию.

Интерес представляет слово *несообщительность*, не зафиксированное современными словарями. Слово *сообщительность* обнаружено нами в словаре В.И. Даля. Оно не сопровождается объяснением, но мотивировано, по-видимому, словом *сообщитель* ‘человек, беседливый, разговорчивый, словоохотливый’. Существительное характеризует яркую черту жителей полесской деревни – нежелание разговаривать с барином, чужаком.

То же можно сказать и о слове *несловоохотливость*, которое образовано тем же приставочно-suffиксальным способом и с помощью тех же словообразовательных средств, что и рассмотренное выше. Данное существительное описывает черту характера Ярмолы: нежелание разговаривать с кем-либо, молчаливость. Употребление этого производного слова, как нам кажется, связано с акцентированием именно нежелания, отсутствие «охоты» разговаривать. Таким

образом *несообщительность*=*несловоохотливость*, которая оценивается героем-рассказчиком отрицательно, вызывает непринятие и неодобрение.

Приведем отрывок из III части повести:

- *А тебя не трогают?* - *сорвался у меня неосторожный вопрос.*

Она с надменной самоуверенностью повела головой снизу вверх, и в ее сузившихся глазах мелькнуло злое торжество... <...>

В языке слово *самоуверенность* оценивается отрицательно, тогда как в тексте оно приобретает оттенок одобрения, так же, как и слово *таинственность*, которое в тексте повести встречается несколько раз: оно подчеркивает привлекательность Олеси для рассказчика и характеризует ее «колдовскую» натуру.

Слова, содержащие префикс **не-** со значением отсутствия того, что названо производящей базой: *невозможность*, *недоброжелательство*, *недоверие*, *неохота*, *непонятливость* содержат, как правило, дополнительную отрицательную субъективную оценку. В тексте повести они характеризуют действия главных героев. Слово *насилие*, образованное от слова *сила*, имеет оттенок категорического неприятия, тогда как производящая база нейтральна.

Особый интерес представляет слово *полесовщик*, которое имеет производящей базой слово *лес*. Слово «полесовщик» относится к Ярмолу, описывает его род занятий, причем только его: другие люди, занимающиеся тем же, названы «лесниками». *Полесовщик* – яркое, запоминающееся слово, поэтому обладает конструктивной функцией: А.И. Куприн использует слово, которое изменяет структуру текста повести. Кроме того, можно сказать, что это слово наделено и компрессивной функцией, так как оно соположено в тексте со словом «браконьер» и производными от него и, таким образом, приближается к ним по значению. «Лесник» - тот, кто лес охраняет, стережет и бережет, «полесовщик» - знаток леса, человек, только приставленный охранять лес, но использующий лесные уголья по своему усмотрению.

Яркие показатели оценки говорящего содержат слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *бородка*, *веточка*, *ветошка*, *газетка*, *головка*, *дверка*, *елочка* и др. Они обладают положительной оценкой в тексте повести, призваны сосредоточить внимание читателя на размере предмета, его «нежности» и «хрупкости».

Обратим внимание также на слово *старуха*, которое образовано от слова *старик* и имеет эмоциональную оценку неодобрения в отличие от нейтральной оценки производящей базы. В тексте повести оно встречается 14 раз, причем всегда только как номинация неприятной Мануйлихи, что усиливает экспрессивно-оценочный ореол слова: *Старуха возилась около ярко пылавшей печи, а Олеся прядла лен, сидя на очень высокой скамейке <...> Старуха некоторое время внимательно и сердито глядявалась в меня, сморщившись и заслоняя лицо ладонью от жара печки.*

В повести выделено 276 производных **имен прилагательных** и **причастий**, которые образованы от глаголов (142 деривата: *заинтересованный*, *втянутый*, *напускной*, *питательный*, *отставной* и др.), имен существительных (88 дериватов: *птичий*, *льдиный*, *кашемировый*, *крошечный* и др.), прилагательных (29 дериватов: *бессознательный*, *подленький*, *мудреный*, *омерзительный* и др.) различными способами. Также нами обнаружено 15 слов, образованных от сочетаний сложносуффиксальным способом и способом сложения (*своеобразный*, *своевольный*, *восьмиконечный*, *благовоспитанный* и др.).

Отдельно остановимся только на некоторых прилагательных. Слово *отставной*, хотя и произведено от глагола *отставить*, все же семантически мотивировано существительным *отставка*, так как *отставной* – ‘тот, кто находится в отставке’. Прилагательные *надломленный* и *сморщенный* произведены от глаголов: *надломленный* ← *надломить*, *сморщенный* ← *сморщить*, однако семантически мотивированы иначе: *надломленный* – ‘тот, что имеет надлом’, *сморщенный* – ‘имеющий морщины’. То есть мы наблюдаем расхождение семантической и словообразовательной мотивированности.

То же можно сказать и о прилагательном *нервный* ← *нерв*. Образованное от существительных, оно тем не менее не мотивируется им, так как *нервный* – тот, который имеет не нервы, а расшатанные нервы, неустойчивую нервную систему, что оценивается в языке скорее отрицательно. В тексте же оно имеет различную оценку, как положительную (а), так и отрицательную (б): а) *Вдруг далеко, в самой чаще, раздался лай Рябчика – характерный лай собаки, идущей за зверем: тоненький, залихватый и нервный, почти переходящий в визг. В любви – в прямом, грубом ее смысле – всегда есть ужасные стороны, составляющие мученье и стыд для*

нервных, художественных натур. б) *Мы равнялись с кленом, и я, бледнея от волнения, уже переводил дыхание, чтобы начать говорить, но внезапно моя смелость ослабевала, разрешаясь нервным, болезненным биением сердца и холодом во рту.*

В рамках анализа производных прилагательных мы также обратили внимание на такие, которые созданы способом сложения: *ослепительно-белый, смугло-розовый, умоляюще-детский*. Компоненты данных прилагательных связаны равноправными смысловыми отношениями, аналогом которых служит сочинение в синтаксисе: *ослепительный и белый, смуглый и розовый, умоляющий и детский*. Субъективная модальность, сопровождающая такие образования, – всегда положительная оценка. Такие слова способствуют конкретизации образов, выполняя в основном компрессивную и эмоционально-экспрессивную функцию в тексте. Например:

*Красная юбка Олеси, слегка колеблемая ветром, еще виднелась на крыльце хаты, выделяясь ярким пятном на **ослепительно-белом**, ровном фоне снега.*

*- Нет... Лучшие не надо, - сказала она, и ее глаза приняли **умоляюще-детское** выражение. - Пожалуйста, не просите...*

*Прелесть его [лица] заключалась <...> в **смугло-розовом** тоне кожи...*

Среди производных прилагательных особую функцию выполняют слова *крошечный, омерзительный, мудреный; подленький, тоненький, хорошенький; боязливый, бурливый, молчаливый, насмешливый, ворчливый*, так как они содержат суффиксы, придающие им экспрессивный оттенок, значение оценки, иногда положительной (*хорошенький, тоненький*), иногда отрицательной – от неодобрения (*мудреный, насмешливый, ворчливый*) до резкого неприятия (*подленький, омерзительный*).

Также в тексте повести присутствуют образования, содержащие аффиксоиды, то есть корневые морфемы, которые могут выполнять функцию суффикса или префикса. К таким относятся слова *полудикарский, полуразвалившийся* (префиксоид **пол-**), *своеобразный* (суффиксоид **-образ[ный]**), *благотворный* (суффиксоид **-твор[ный]**).

Сложные прилагательные *полудикарский, полуразвалившийся, своеобразный, благотворный, своевольный, благородный, первобытный, благовоспитанный* выполняют в тексте, кроме компрессивной, функцию выражения экспрессивности и связанной с ней субъективной модальности. В то время как слово *полуразвалившийся* в повести обладает отрицательной оценкой (так же, как и в общенациональном языке), слова *полудикарский, своевольный и первобытный* оцениваются рассказчиком скорее как положительные, что видно из приведенных ниже контекстов.

*Она не уставала меня расспрашивать подробно обо всем, что занимало и волновало ее первобытное, яркое воображение... <...> Иногда, затрудняясь объяснить ей что-нибудь, слишком, по моему мнению, непонятное для ее **полудикарской** головы (а иной раз и самому мне не совсем ясное), я возражал на ее жадные вопросы...*

*Прелесть <...> в **своевольном** изгибе губ, из которых нижняя, несколько более полная, выдавалась вперед с решительным и капризным видом.*

Причастия также способны выполнять экспрессивную функцию, связанную с модальной оценкой. Данная функция выполняется ими не в каждом контексте, а только в тех, которые связаны с описанием эмоциональных переживаний героев:

*В ее неподвижно **остановившихся** глазах с **расширившимися** зрачками отразился какой-то темный ужас, какая-то невольная покорность таинственным силам и сверхъестественным знаниям, **осенявшим** ее душу.*

*Во всяком случае, это была подлинная домашняя, **ошеломляющая** старка, гордость погребя разорившегося магната.*

*Тогда она заговорила с **возрастающим** волнением...*

Отметим также слова *сверхъестественное* и *таинственный* (и *таинственность*). Данные слова достаточно частотны в повести и относятся к ее главной героине – колдунье Олесе. С их помощью автор создает образ непознанной и притягательной действительности, в которой Олеся живет. Оба слова имеют положительную субъективно-модальную оценку, в то время как в языке они характеризуются нейтральной эмоциональной окраской.

В тексте повести также было выявлено 112 **наречий**, которые образованы от прилагательных (92 деривата: *взаперти, по-прежнему, вопросительно, громко* и др.), существительных (9 дериватов: *издали, вслед, поневоле, сверху* и др.), наречий (8 дериватов:

заранее, повнимательнее, понемногу, вблизи, просто-напросто и др.), глагола (молча), местоимения (*по-вашему*) и числительного (*однажды*).

Из данного ряда мы выделили наречия, в которых наблюдается расхождение словообразовательной и семантической мотивированности: *беззвучно* ← беззвучный, *досадливо* ← досадливый, *вопросительно* ← вопросительный, *любопытно* ← любопытный, *опасливо* ← опасливый, *механически* ← механический, *теоретически* ← теоретический, *по-обезьяны* ← обезьяний. Все они, хотя и образованы от соответствующих прилагательных, семантически мотивированы существительным. Например, *беззвучно* (передвигаться) – значит ‘без звука’, *опасливо* – ‘с опаской’, *вопросительно* – ‘с вопросом’, *досадливо* – ‘с досадой’, *по-обезьяны* – ‘как обезьяна’, *теоретически* – ‘в теории’ и т.д.

Обратимся к наречиям *невольно* и *поневоле*, которые часто встречаются в повести. В них отражена яркая субъективная модальная оценка – неприятие героем своих действий, которое подтверждается словами Олеси: «Слову вы своему не господин. Над людьми любите верх брать, а сами им хотя и не хотите, но подчиняетесь».

Одним из наиболее ярких фрагментов, в которых использованы производные наречия, является следующий: *Вот точно вздохнуло что-то в белой зале, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально. Вот заходили и заскрипели где-то далеко высохшие гнилые половицы под чьими-то тяжелыми и бесшумными шагами. Чудится мне затем, что рядом с моей комнатой, в коридоре, кто-то осторожно и настойчиво нажимает на дверную ручку и потом, внезапно разъярившись, мчитя по всему дому, бешено потрясая всеми ставнями и дверьми, или, забравшись в трубу, скулит так жалобно, скучно и непрерывно, то поднимая все выше, все тоньше свой голос, до жалобного визга, то опуская его вниз, до звериного рычания. Порою бог весть откуда врывался этот страшный гость и в мою комнату, пробежал внезапным холодом у меня по спине и колебал пламя лампы, тускло светившей под зеленым бумажным, обгоревшим сверху абажуром.*

В небольшом фрагменте – 14 производных наречий, почти все из которых образованы от прилагательных суффиксальным способом. Одно наречие – *порою* – образовано от существительного в творительном падеже морфолого-синтаксическим способом.

Все наречия выполняют как номинативную, так и экспрессивную функцию, так как способствуют более яркому, образному описанию происходящего и тех чувств, которые были вызваны гуляющим по дому ветром. Субъективная модальность, сопровождающая высказывание – отрицательная: это неприятие героем-рассказчиком тех бушующих сил, которые так близки его возлюбленной Олесе.

Отметим также, что финал повести – описание грозы – также сопровождается яркой отрицательной эмоциональной оценкой. В приводимом ниже фрагменте выделены производные слова (не только наречия), отражающие такую модальность.

Мануйлиха не ошиблась. Гроза, медленно накапливаясь за весь этот жаркий, нестерпимо душный день, разразилась с необыкновенной силой над Перебродом. Молния блистала почти непрерывно, и от раскатов грома дрожали и звенели стекла в окнах моей комнаты. Часов около восьми вечера гроза утихла на несколько минут, но только для того, чтобы потом начаться с новым ожесточением. Вдруг что-то с оглушительным треском посыпалось на крышу и на стены старого дома. Я бросился к окну. Огромный град, с грецкий орех величиной, стремительно падал на землю, высоко подпрыгивая потом веру. Я взглянул на тутовое дерево, росшее около самого дома, - оно стояло совершенно голое, все листья были сбиты с него страшными ударами града...

Стихия природы – естественная для Олеси среда обитания – пугает городского человека, вызывает желание спрятаться, отгородиться от нее. Снежная буря предшествует появлению Олеси в жизни героя, гроза – уходу Олеси и ее бабки из избушки. Так окончательно противопоставляются несовместимые образы неназванного рассказчика и Олеси как образы цивилизованности, загнанной в рамки условностей и «невольных» действий, и природы – необузданной, полудикой, первобытной и многовековой.

О.В. Нагель утверждает, что модальные смыслы могут иметь разное происхождение: 1) от мотивирующей единицы, обладающей оценочным значением (определяется как оценочный Модус №1); 2) в результате словообразовательного акта при образовании слова от нейтральной в оценочном отношении единицы (оценочный Модус №2); кроме этого выделяется Модус №3, определяемый как «эмотивный модус, так как он связан с выражением конкретных эмоциональных смыслов по общей шкале [хорошо] (+)/ [плохо] (-). Эмотивный модус так же, как

Модус №1 и Модус №2, может: а) наследоваться от производящей единицы и тогда его знак определен и б) может рождаться в процессе словообразовательного акта, и тогда его детерминация возможна лишь в процессе функционирования производной единицы в тексте». [2]

В повести А.И. Куприна мы обнаружили производные слова с оценочным модусом №1 (*пробурчать, проворчать, прошамкать, залокотать, зачмокать, зашамкать* и др.), оценочным модусом №2 (*старуха, борода, веточка, ветошка, газетка, головка, дверка, елочка, клочок, корзинка, манжетка, нотка, корешок, парок, песенка, скамеечка, шейка; ножик, холмик; ручеек, нервный* и др.), оценочным модусом №3, который рождается в процессе словообразовательного акта, когда производное слово получает иную субъективную оценку, чем в общепринятом употреблении (*кокетство, воркотня, смугло-розовый, умоляюще-детский, полудикарский, своевольный, невольно, поневоле* и т.д.).

В русском языке модальные значения могут быть самыми разнообразными: уверенность (категорическая, безальтер-нативность, предсказуемость, нормативность) и неуверенность (уверенное и неуверенное предположение, сомнение, вероятность, кажимость), возможность, способность, необходимость совершения действия, отрица-тельная или положительная оценка того, что сказано в предложении и др. Модальность, выражаемая средствами словообразования, гораздо уже: чаще всего это стремление рассказчика обратить внимание читателя к чему-нибудь, выделить перед ним какой-либо факт или вызвать в нем то или иное отношение к сообщению. Также модальные дериваты используются для характеристики героев.

Таким образом, являясь вспомо-гательными, средства словообразования в комплексе играют все же значимую роль при оформлении высказывания в рамках целого текста. И в то же время художественный текст становится средой, которая влияет на деривационные средства и преобразовывает их в художественные, выполняющие не только номинативную, но и компрессивную, конструктивную и эмоционально-экспрессивную функции.

Список использованной литературы

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – Москва, 1981.
2. Куприн А.И. Олеся // Избр. соч. в 2 т. Т.1. – Фрунзе, 1982, с. 28-100.
3. Нагель О.В. Производные имена русских словообразовательных типов синкретичной семантики в информационной структуре предложения (функционально-когнитивный аспект). – URL: <http://www.ling.helsinki.fi/uhlcs/LENCA/LENCA-2/information/datei/nagel.htm>
4. Свечкарева Я.В. О деривационном потенциале слова как языковой категории // Вестник Томского госуд. ун-та. – Томск, 2007, вып. 300-3, с. 15-16. – URL: <https://psibook.com/linguistics/o-derivatsionnom-potentsiale-slova-kak-yazykovoy-kategorii.html>

Рецензент: канд. филол. наук, доцент Орозова А.К.